

нения. Когда Алексей был предубежден через шпионов, что племянник Гвискара тайно отплыл, он, огорченный обманом, требовал отсутствовавшего от присутствовавших, обвинял их в коварстве и говорил, что они сговорились похитить у него Танкреда. Его взгляды, походившие от гнева на взгляды раздраженной мачехи, обращались особенно к Бозмунду. Между тем как император метал молнии, а с языка его пелись угрозы, Бозмунд нехотя давал клятву, что он вернется, чтобы вложить руки Танкреда в руки императора; в противном случае ему не будет безопасно ни оставаться на месте, ни идти вперед.

XIII. Пока все это происходило, Танкред отправил в Константинополь двух рыцарей, Атропа и Гарина, с поручением упрекнуть Бозмунда за промедление и известить его, что война с турками уже близка; если он не поторопится, то все его надежды будут испровергнуты, ибо неприятель будет побежден без его содействия. Но это известие польза было передать Бозмунду так, чтобы о том не проведал император. Алексей призвал к себе вестников, желая вслушиться с ними в разговор относительно Танкреда и принудить их выдать тайну тем страхом, который должно было навести его присутствие. Получив вопрос, кто они, кому принадлежат и зачем посланы, они отвечали с твердостью, что они норманны и пришли от Танкреда пригласить Бозмунда к соединению с ними. Император, видя твердость их языка и неустрашимость, отпустил их без всякого наказания, сознавая что такое наказание не принесет ему никакой пользы.

Когда Танкред узнал о всем случившемся, как от послов, которые вернулись первыми, так и от Бозмунда, который прибыл за ними, трудно сказать и не легко поверить, до какой степени он был огорчен и опечален, видя, что все усилия его предусмотрительности разбились о беспечность другого. Так растопленная печь не может удержать в себе огня; буря раздувает повсюду с треском и колеблет по воле ветров огненные языки. Действительно, говорят, что в ту пору Танкред облегчал тайное горе своей души жалобами, которые он выразил следующим образом:

«Увы! Как ослеплен ум человека и как темно для него будущее! Когда, по-видимому, он вполне доволен, ему приходится иногда еще только что начинать. Мудрость ничтожна, если ревнивая судьба объявляет себя против; и наоборот, тщетно было бы противиться тому, кому покровительствуют боги. Я полагал, что мною были приняты все меры предосторожности, и беспечность или презренная робость не будут в состоянии мне повредить. Я презрел подарками; я убежал один; я обманул бдительность лазутчиков и ускользнул из расставленных мне сетей; мне удалось то, о чем я едва смел помыслить. Но увы! К чему послужило мне то, что я безвредно проник мимо врагов и прошел сквозь сети, которые не пропускают и самых невинных без того, чтобы не изувечить их. Я видел людей благородных, сыновей герцогов и королей, как они, променяв свои владения на добровольное изгнание, шли с миром в поход; и пустынные страны, варварские королевства, открывались перед ними при их появлении; ни море, ни земля не противопоставляли им препятствий. Но когда они пришли к этому чудовищу, более кровожадному, чем сама трехглавая Химера, не пашлось Пегаса, который спас бы их и унес на себе в минуту беды. Все вынуждены были пройти, так сказать, под копые своего повелителя и дать клятву, которую им продиктовали. Что касается меня, то я, считая себя более достойным строгого судьи, я опасался и более строгого наказания: мне нужно было употребить более усилий, чтобы уйти, так как я пылал большей мстостью; я отказался от управления войском, отказался от самого себя, чтобы не преклониться, подобно другим, и иметь свободу отомстить за обиду других. Теперь к чему послужит сетовать на человека, наложившего на меня оковы, которые я разбил сам? Ему мало было склонить свою голову; он захотел склонить и мою; могут ли мои уста воздержаться, чтобы не сказать, что он позавидовал моему благополучию? Но это все говорят; и последствия доказали ясно, что клятва Бозмунда за меня была дана им в зависти. Сам же он, по-видимому, не сознает, по лености или по слабоумию, что он всверг меня